

В нынешнем виде закон неприемлем!

Из выступления председателя Сибирского отделения Российской академии наук А.Л. Асеева на внеочередном Общем собрании СО РАН 3 июля 2013 года

Двадцать седьмого июня правительство объявило, а двадцать восьмого июня внесло в Государственную Думу проект закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Эта законодательная инициатива уже получила широкое освещение в прессе. В газете «Наука в Сибири» опубликована обширная подборка, включающая наше обращение к президенту, правительству и лидерам думских фракций, обращения Дальневосточного и Уральского отделений, Санкт-Петербургского научного центра, профсоюза работников РАН, отделений по физическим и химическим наукам, письмо учёных-соотечественников, работающих за рубежом, решения общего собрания Томского научного центра и учёного совета Института ядерной физики. Информации здесь много. Поэтому я предлагаю провести наше обсуждение по-деловому, сжато, конкретно, имея в виду, что решение нашего собрания нужно доставить руководству Думы до начала первого чтения.

В чём суть предлагаемого федерального закона? Документ называется «О реорганизации...», а в тексте речь идёт о ликвидации Российской академии наук и других государственных академий. Создается ликвидационная комиссия, и нашу структуру предлагается закрыть. Безусловно, с этим мы согласиться не можем, и наша протестная активность и обращения к руководству страны вызваны тем, что такой тезис абсолютно неприемлем.

Второе важное обстоятельство связано с тем, что законопроектом нивелируется базовый принцип организации РАН и вообще государственных академий наук — выборность.

Чтобы стать членом Российской академии наук, нужно пройти длительную процедуру обсуждения с тайным голосованием на всех этапах, начиная с учёного совета института, где претендентов знают лучше всего. Это всё предлагается ликвидировать, преобразовать членство госакадемий в действительных членом одним росчерком пера. Тем самым будут полностью нарушены демократические принципы работы Академии, которые складывались годами и веками. Это тоже неприемлемо.

Законом предусмотрено упразднить региональные отделения РАН, а о той катастрофе, которая наступит для регионов в сфере образования, культуры, развития промышленности, я говорить не буду — вы все прекрасно это понимаете.

Законопроект составлен наспех, без обсуждения — как говорит министр Ливанов, даже он ничего об этом не знал. Это некая тайная спецоперация, осуществленная в тылу врага. Только непонятно, почему мы стали врагами в собственной стране.

В проекте закона полностью отсутствует информация об управлении имуществом Академии наук. Объявлено, что будет создано Агентство научных институтов, но нет никакой информации о порядке его работы, функциях, полномочиях и принципах организации.

В 2009 году, когда была первая попытка отобрать имущество у РАН, я объяснял нашему Президенту, что развивать науку без имущества невозможно. Он с этим согласился, и этот процесс был приостановлен. Но вот спустя четыре года вся эта команда укрепились, есть опыт работы «Оборонсервиса», теперь понятно, как это делается, и сейчас предпринята новая попытка, которой мы должны очень жёстко противостоять.

Следующий момент. Реализация закона приведёт к остановке работы институтов РАН. Мы только что пережили эпопею их переименования в федеральные государственные бюджетные учреждения науки. Теперь на новом этапе нам надо будет реформировать полный цикл документов: лицензии, сертификаты, бухгалтерские коды и так далее. Это вызовет паралич работы институтов по ничем не обоснованному и неправильному поводу, что тоже недопустимо.

Самое страшное произойдёт, если реализуется запланированный перерыв в работе аспирантуры — молодые люди будут призваны на воинскую службу со всеми вытекающими последствиями.

И самое серьёзное — закон повлечёт отрицательные последствия для работы институтов Академии по программам министерств и ведомств, программам социально-экономического развития регионов, корпораций и предприятий, с которыми у нас есть соглашения, программам развития университетов Сибири, по плану строительства жилья для молодых, которые мы с большим трудом начали реализовывать. Словом, последствия тоже будут катастрофическими.

Основной вывод — в нынешнем виде проект закона неприемлем. Я думаю, что наше Общее собрание это должно подтвердить.

Должен сказать, что вся абсурдность постановки проблемы вызывает чисто исследовательский интерес. Я потратил полтора дня в Москве, чтобы понять, что лежит в основе задумок анонимных авторов законопроекта (несколько министерств отрицается, можно только догадываться, что за «мозговой центр» это делал — по крайней мере, он себя никак не позиционирует). Я старался разобраться, что двигало авторами этого закона, чем они убедили президента и председателя правительства (почти всё правительство, поскольку единственным человеком, который возражал на заседании 27 июня, был министр обороны С.К. Шойгу)?

Какие положительные стороны можно с большим трудом «выжать» из этого законопроекта?

Во-первых, я думаю, не будет особо большого ущерба для нашей работы, если мы согласимся с объединением РАН, РАМН и РАСХН. Там работают наши коллеги, с которыми мы давно и тесно сотрудничаем. С Сибирским отделением Российской академии медицинских наук мы вообще находимся на одной территории, в Академгородке. Наверное, позитивным моментом для наших коллег является будущее повышение стипендий членам Медицинской и Сельскохозяйственной академий. Но при этом, повторяю, недопустимо пренебрегать выборными принципами.

Второй момент, который можно назвать позитивным при условии нашей активной работы — то, что государство подтверждает свои права на федеральную собственность, которая находится в оперативном управлении РАН: земли и всё имущество институтов.

В течение 20 лет после известных событий начала 90-х годов Академия наук сделала всё, чтобы сохранить это имущество в федеральной собственности. Это было непросто, тем более, что государство не давало никаких материальных ресурсов, чтобы эту собственность развивать. Нам приходилось их изыскивать самостоятельно, поскольку мы были в этом крайне заинтересованы. И говорить, что ситуация в этой сфере плохая и даже безнадежная, как это делается в пояснительной записке к закону, совершенно неправильно. Академия сделала всё, чтобы федеральное имущество, которое государство доверило ей в оперативное управление, было в приличном состоянии.

Вы знаете, что происходит в течение многих лет вокруг Академгородка. Вообще говоря, отбываясь от претензий местного бизнеса и местной власти на земли и инфраструктуру Академгородка — это наша задача. Наша задача — это наука, и в этом плане я согласен с той критикой, которая звучит со стороны общества и СМИ. И если мы получим могучего союзника в лице государства, которое будет защищать федеральное имущество от посягательства бизнеса и власти на местах, я думаю, что это благо. Об это я уже завил в прессе. И мы надеемся, что нам удастся реализовать именно такой сценарий, а не тот, который так явно предлагает авторами закона. На этот важный момент я хотел бы обратить внимание: государство восстанавливает и подтверждает свои права на федеральное имущество и земли, которые сейчас находятся в оперативном управлении Российской академии наук.

Ещё один момент связан с давно мучающей нас проблемой доходов от аренды и сдачи в эксплуатацию временно не используемого имущества. За двадцать лет у нас произошло явное расслоение между институтами. Активно работающие институты решают проблемы развития и содержания своего хозяйства за счёт профильной деятельности. Например, Институт ядерной физики, крупнейший в системе Академии наук, сдаёт в аренду минимальное количество площади. То же самое относится к институтам Катализа, Нефтегазовой геологии и геофизики, Геологии и минералогии, Физики полупроводников и другим. Но появились институты, у которых доходы от аренды составляют существенную часть финансового оборота.

Наиболее ярко проблема проявляется в центральной части Академии, в столице. При взгляде на то, что творится на Ленинском проспекте в Москве, где находятся базовые институты РАН, видны явные

перекосы. Например, я узнал, что Институт космических исследований РАН сдаёт 10 тысяч квадратных метров. Конечно, это недопустимо. Такие проблемы, пусть и в меньшем масштабе, есть и у нас, в Сибирском отделении. И в схеме, предлагаемой законопроектом, является возможность отойти от той практики, когда доходы от аренды поступают в институты, забывающие про свою профильную деятельность. Появляется шанс эту систему сломать. Я помню многочисленные дискуссии в Президиуме РАН: когда ставится вопрос об аренде, половина безусловно против неё, а другая половина — горячо за. И этот узел противоречий, существующий в течение многих лет, данным законом можно разрубить, если принципиально относиться к тому, что в нём написано.

В новосибирском Академгородке возникает вообще уникальная ситуация: если мы консолидируем имущество и земли Сибирского отделения Российской академии наук, СО РАМН и Новосибирского государственного университета, то появятся совершенно новые возможности для использования этих обобществлённых ресурсов для совместного развития наиболее проблемных вопросов развития территории Академгородка.

Здесь возникает основа и для более объективного подхода к оценке деятельности научных институтов. Если какой-то из них утратил способность получения доходов от профильной деятельности, то это повод задуматься. Мы, конечно, против закрытия: институту надо помочь либо ресурсами, либо кадровыми решениями, либо нужна какая-то реорганизация, которая позволила бы восстановить профильную деятельность. Вариант на переходный период — ограничение объёма от аренды в размере 3—5% от объёма бюджетного финансирования института.

Пытаясь моделировать причины, которые могли бы двигать государством при разработке законопроекта, можно указать ещё одну. Появляется принципиальная возможность по обеспечению государственных приоритетов в науке через управление со стороны создаваемого Агентства научных институтов. Если, допустим, государство срочно надо решать задачи повышения обороноспособности, и есть некий конфликт интересов, эти проблемы можно решить, как бы болезненно это не было.

Исходя из этого позитива, я провёл встречи с вице-премьером Д.О. Рогозиным, с помощником Президента России А.А. Фурсенко (бывшим министром образования и науки) и с действующим министром Д.В. Ливановым. Напомню, что он побывал у нас 27 мая, посмотрел, как работают наши ведущие институты, хвалил нас и ставил в пример — и, тем не менее, произошло то, что произошло.

Что предлагается сделать для исправления ситуации? Проект закона необходимо отправить на ко-

ренную переработку. Мы должны дать предложения по обеспечению приоритетов государственных интересов в деятельности госакадемий и, в частности, Российской академии наук, за сохранение которой мы обязаны бороться.

Д.О. Рогозин одобрил мою инициативу о создании в течение недели — если Государственная Дума не подведёт и не примет этот закон сразу в трёх чтениях — при Правительстве РФ рабочую группу под руководством вице-преьера.

Нам необходимо срочно восстановить диалог между Правительством РФ и Российской академией наук. За время моего хождения по высоким кабинетам эту идею наиболее чётко выразил А.А. Фурсенко, который сказал, что в течение последних полутора лет такой диалог отсутствует и полностью прервался после выборов нового президента РАН. Из этого тоже надо делать выводы и принимать экстренные меры. Владимиру Евгеньевичу Фортову я об этом доложил.

А в целом главное стремление, что движет авторами проекта — это восстановление жёсткой вертикали власти во всех структурах государственной системы. Этим законом государство недвусмысленно сказало, что восстанавливает вертикаль и в управлении научным комплексом Российской Федерации.

Что ещё нужно сделать, и с этим согласились все, с кем я разговаривал, — нужно определить статус создаваемого Агентства научных институтов, его полномочия, порядок работы, функции и принципы его организации, предусмотреть создание филиалов этой структуры в регионах и, самое главное, обеспечить принцип «двух ключей» принятия решений в этом Агентстве — один ключ в Правительстве РФ, другой — в Академии наук. Понимание есть, но надо это зафиксировать на бумаге.

Для того чтобы мы были не одинокими в борьбе с анонимными людьми, которые составляют такие законы, в региональных отделениях РАН или региональных филиалах будущего Агентства (это зависит от того, как процесс будет развиваться) должны быть организованы попечительские и наблюдательные советы, состоящие из представителей правительства, государственных академий, руководителей регионов, которые первыми почувствуют, что значит работать без научных центров, представителей крупных корпораций. Союзников в этих структурах у нас гораздо больше, чем думают наши оппоненты.

Необходимо дать предложения по обеспечению приоритета фундаментальных исследований, по росту их качества, отдаче в конкретных и значимых приложениях. Сибирское отделение активно этим занимается, нас хвалят и приводят в пример, но, тем не менее, об этом было забыто, когда речь пошла о составлении этого законопроекта.

Фото В. Новикова

(Окончание на стр. 4)

